

Янь Фуи никак не мог взять в толк, почему Шихэн Фуюй постоянно твердил, будто А И — его «белый лунный свет».

В глазах самого Фуи всё было ровно наоборот: это старший брат всегда оставался для него недостижимым, чистым сиянием.

Ли Фуюй, первенец главы даосского ордена Куньлунь Ли Аньши, к моменту появления Янь Фуи в ордене уже успел прославиться в Поднебесной как многообещающий молодой заклинатель. А И тогда был совсем ребёнком и вместе с младшим братом преодолел тысячи ли, полных лишений, лишь бы добраться до священных пиков.

Однако на роль прилежного старшего ученика ордена Ли Фуюй подходил мало. Сам он со смехом заявлял:

— Твой шисюн — просто вольный лесной дух...

Услышав такое впервые, маленький Янь Фуи лишь растерянно моргал. В следующий миг Фуюй уже по-свойски приобнимал его за худые детские плечи и с напускным величием обещал увлечь за собой в «великое плавание». Десятилетний А И ничего не понимал из этих речей, но то, каким сияющим и живым казался тогда старший брат, вызывало у него искреннее восхищение.

Делами школы Ли Фуюй демонстративно пренебрегал, за что не раз получал нагоняи от отца. Однако юноша отличался редкостным упрямством и поразительной изворотливостью. Твёрдо зная, что суровый родитель не станет карать его всерьёз, он неизменно гнул свою линию, а после умудрялся так ловко заговорить зубы разгневанному главе ордена, что тот лишь бессильно качал головой и невольно улыбался.

Единственный раз, когда между отцом и сыном разразилась настоящая буря, случился из-за Янь Фуи.

Мальчику тогда не исполнилось и десяти лет, но даже будучи ребёнком, он отчётливо понимал: глава ордена ненавидит его люто, глубоко и беспощадно.

Хотя Янь Фуи приняли на Пик Меча, Ли Аньши как глава ордена имел полное право распоряжаться его судьбой. Собственный же наставник мальчика, Достопочтенный Меча Вопрошающий Небо, почти не принимал участия в жизни подопечных: он годами предавался уединённому созерцанию и медитациям, лишь однажды оставив двоим новоприбывшим ученикам свитки с основами мастерства.

Как-то раз Ли Аньши вернулся из внешнего мира вне себя от ярости и сорвал злость на сироте. Удары были столь жестокими, что Янь Фуи всерьёз приготовился к смерти. Но перед тем как провалиться в беспамятство, он увидел, как с грохотом распахнулись массивные двери тайного зала, куда никогда прежде не пускали чужаков. Сквозь пелену слёз и крови мальчик разглядел

стремительный силуэт в белых одеждах — разгневанный юноша ворвался внутрь, словно порыв ураганного ветра.

В тот день он впервые увидел Ли Фуюя.

Позже старший брат увёл израненного мальчика на Утёс Очищения Одежд. Там, в скрытой от чужих глаз горной долине, они вместе посадили тысячи кустов нежных травянистых пионов.

Когда Ли Фуюй погиб, Янь Фуи исполнилось всего восемнадцать. Он уже достиг вершины стадии Возведения Основания и стоял в полушаге от Золотого Ядра. О его истинном потенциале не догадывался никто, кроме старшего брата. Тот часто смотрел на него сияющими, полными тепла глазами и полушутя говорил:

— Моя Маленькая луна — настоящий гений. Когда вознесёшься в небесные чертоги, не смей забывать своего шисюна. Заберёшь меня с собой, будем вместе вкушать божественные яства и пировать на зависть всем.

Для любого заклинателя переход от Возведения Основания к Золотому Ядру — непреодолимая преграда. Многие застревают на этой ступени на сотни лет, и лишь один из тысячи совершает прорыв. Остальные бесцельно растрачивают отпущенный век и уходят в небытие, терзаемые горьким сожалением. Но талант Янь Фуи не подчинялся земной логике: он попросту не ведал, что такое преграды. Восемнадцатилетний мечник с Золотым Ядром — подобная новость заставила бы содрогнуться все Девять Провинций.

А потом Ли Фуюй погиб.

Смерть настигла его в тот самый миг, когда Янь Фуи преодолевал грозное испытание Золотого Ядра. Небеса содрогались от ярости, вечные снега таяли и обращались в водяные потоки — впервые за тысячу лет над священными пиками Куньлуня разразился яростный ливень.

Прямо под струями этого ливня Янь Фуи без колебаний сокрушил собственное, едва сформировавшееся Золотое Ядро. С помощью остаточной энергии небесного гнева он поймал ускользающую, готовую вот-вот раствориться в небытии душу старшего брата. Превратив её в крошечное духовное семя, он укрыл хрупкий осколок в глубинах своего сознания.

Год за годом он бережно согревал это семя теплом собственной души, скитаясь по свету и не раз заглядывая в лицо смерти. И когда в древней тайной обители ему наконец удалось отыскать чертежи Семивездной формации Преисподней, он с величайшей осторожностью перенёс этот хрупкий залог спасения в уединённое прибежище под Утёсом Очищения Одежд.

Едва Янь Фуи произнёс эти слова, Ли Цинхэ едва не лишился рассудка.

До слуха Фуи доносились лишь невнятные отголоски его яростных криков. Младший брат обвинял его во лжи, тряс за плечи и требовал признаться, не было ли всё это изощрённой, хладнокровной местью. Но Янь Фуи уже было всё равно. Леденящий яд растекался от израненного сердца по жилам, перед глазами плыла глухая тьма, а в костях словно прорастали тысячи острых, невидимых игл.

«Шисюн, что же нам теперь делать?»

Если бы он сокрушил ещё одно Золотое Ядро или пожертвовал чем-то иным... Да пусть даже его Врожденные Кости Меча выломали бы из тела и стёрли в порошок — ему было глубоко безразлично. Но поможет ли это вернуть ту крошечную, хрупкую искру жизни, что теперь бесследно растворилась в небытии?

В его сознании зазвучал встревоженный, срывающийся голос Системы:

[Янь Фуи!]

Но юноша ничего не воспринимал. Для него весь мир погрузился в безмолвную пустоту, где существовал лишь непрерывный, режущий уши свист. Даже его верный Меч Чистого Инея содрогался в глубинах истерзанной души, испуганно и жалобно звеня.

[Янь Фуи! Послушай меня, на самом деле я... Нет! Проклятье!]

Обычно ленивый и насмешливый голос теперь звенел от неподдельной паники. Ли Фуюй отчаянно пытался пробиться сквозь пелену его безумия, но слова глушил невидимый ураган. Звук шёл помехами, прерывался и наконец окончательно затих, словно поглощённый бездной.

Янь Фуи так и не проронил ни слова в ответ на гневные обвинения. Ли Цинхэ, которого он когда-то оберегал и любил едва ли не наравне с родным братом Тиншуаном, в одно мгновение стал для него бесконечно чужим.

Прежде Янь Фуи всегда испытывал перед ним смутную вину. С самых ранних лет он отчётливо видел, что Ли Фуюй тянулся к нему гораздо сильнее, чем к собственному единокровному брату. Фуи принимал эту ласку с робким трепетом, не понимая причин, но отказаться от столь щедрого дара был не в силах. В глубине души его долго точило гнетущее чувство, будто он совершил бесчестный поступок — украл у младшего то, что принадлежало ему по праву рождения.

Но теперь всё закончилось.

С виной было покончено раз и навсегда.

«Старший брат и должен был любить меня сильнее. Только меня»

[Фуи!]

Голос Системы наконец прорвал ментальный заслон. Прерываясь от кашля и глухого раздражения, он зазвучал подобно удару храмового колокола, заставив Янь Фуи очнуться.

[Уходи отсюда!]

[А обо всём остальном... я позабочусь сам]

В даосском ордене Куньлунь воцарился невообразимый хаос.

Падение барьера в Тайной обители Цзэу, внезапное завершение уединения главы ордена, визит Короля демонов и, наконец, ужасающая казнь на Террасе Испытания Совести, свидетелями которой стали все ученики без исключения. Казалось, за какие-то несколько дней привычный мир рухнул и погреб под собой прежний уклад.

Вслед за этим по ордену разнеслась ещё одна ошеломляющая весть: из-под стражи исчез Первый старший брат. Ли Цинхэ, младший сын главы, только-только вернувшийся с горы Неоставления, пребывал в неопишуемой ярости, поставив на уши всю школу, но узник словно сквозь землю провалился.

Среди личных учеников Куньлуня постепенно крепло глухое, подавленное недовольство. В отличие от внешних послушников, не имевших права даже подниматься на священные пики, или простых адептов, числившихся на вершинах лишь формально, преемники старейшин составляли костяк ордена. Именно они заправляли всеми делами школы, ежедневно поддерживая работу этого исполинского механизма.

И те, на чьих плечах держался порядок в Куньлуне, попросту не могли не любить Первого старшего брата.

Он всегда судил беспристрастно, неукоснительно следуя уставу. Со стороны он казался холодным и отстранённым, но на деле помнил о нуждах каждого. Под его началом никому не приходилось выслуживаться или интриговать ради выгоды. У него словно имелись невидимые весы, на которых он взвешивал труды каждого послушника: он помнил успехи каждого в совершенствовании, мог без лишних слов дать день отдыха изнурённому тренировками адепту или распределить дежурства так, чтобы симпатизирующие друг другу юноша и девушка оказались на посту вместе.

Младшие частенько подшучивали между собой, что за маской неприступного праведника скрывается невероятно трогательная забота о каждом подопечном.

Никто не мог взять в голову, какой такой страшный грех должен был совершить этот благородный человек, чтобы заслужить столь бесчеловечную кару. Первый старший брат в бою всегда полагался лишь на собственный меч, презирая уловки вроде талисманов или скрытого оружия. Кто в здравом уме поверил бы, будто он опустил до подлого похищения молодого господина расы демонов Цзоу Хо?

Да и к тому же...

Адепты Зала Дисциплины лишь тихо ворчали про себя: если бы Старший шисюн действительно задумал удержать заложника, этот выскочка Сяо Фэн ни за что на свете не сумел бы вызволить его из кандалов!

Но всё произошло слишком быстро и тайно. Никакого разбирательства, ни единого допроса — ровным счётом ничего. Когда орден только узнал о случившемся, над Террасой Испытания Совести уже вовсю гремели очищающие молнии.

А затем, если верить словам Цинхэ, Старший шисюн исчез.

В поисках беглеца Ли Цинхэ перевернул весь орден вверх дном, после чего заставил отца лично отправиться в ту самую сожжённую дотла долину.

Янь Фуи там, разумеется, не оказалось. Но среди пепла и обломков разрушенной обители отец и сын обнаружили остатки разрушенной Семивездной формации Преисподней.

Когда они вернулись назад, глава Ли, ещё недавно излучавший величие и силу после успешного выхода из затворничества, выглядел постаревшим на добрый десяток лет.

Ученики разных пиков со стороны молча наблюдали за их метаниями. Мало кто понимал подоплёку происходящего, но когда стало ясно, что Старшего шисюна так и не поймали, большинство вздохнуло с облегчением.

Должно быть, Ли Аньши слишком долго пребывал на вершине власти или излишне полагался на свой непререкаемый авторитет, раз ему даже не пришло в голову допросить учеников о побеге Янь Фуи.

А раз глава не спрашивал, никто и не заикался о тайных тропах, ведущих к подножию гор, о целебных эликсирах, которые лекари из Зала Эликсиров и Трав «случайно» выронили у ворот, или о туго набитых мешочках цянькунь, которые сочувствующие адепты под покровом ночи передавали беглецу из рук в руки.

Лишь старейшина Пика Эликсиров, словно пытаясь успокоить главу ордена, негромко обронил:

— После девятикратной громовой кары, да с его старыми ранами... Сейчас в горах бушует

страшная метель. Мальчишка вряд ли выберется из Куньлуня живым.

Изнурённый Ли Цинхэ заметно вздрогнул. На нём по-прежнему были роскошные алые одежды, но теперь он совсем не походил на горделивый, цветущий пион. Юноша судорожно вцепился в рукав отца, покачнувшись, словно от внезапного приступа дурноты.

Ли Аньши сурово нахмурился.

— Он сам во всём виноват... — прошептал Ли Цинхэ, затравленно глядя на отца в поисках поддержки. — Почему он ничего не рассказал нам раньше? Всё, что с ним случилось — его собственная вина! Он сам наложил на себя руки!

Но почему тогда на душе у него было так беспокойно? В груди щемило от тупой, ноющей боли — такой сильной, что хотелось забиться в самый тёмный угол и закрыть голову руками.

Цинхэ до мельчайших подробностей помнил их последнюю встречу. Тёмные, глубокие глаза Янь Фуи смотрели на него, но взгляд их скользил мимо, сквозь него, в никуда. Даже когда Ли Цинхэ в безумном порыве гнева выхватил плетё, он так и не сумел заставить заговорить того, кто всегда безропотно сносил любые невзгоды.

В глазах Янь Фуи его больше не существовало.

Ли Аньши сжал холодные пальцы младшего сына, успокаивающе похлопал по плечу и сквозь зубы процедил:

— Неблагодарный выродок. Он посмел уничтожить последнюю надежду моего бедного Фуоя. Если этот мерзавец ещё жив, я лично изрублю его на куски!

Мощь Дхармического достопочтенного Божественного Звука была столь велика, что от его гнева за стенами великого храма взбурлили облака и взвыл ураганный ветер. Старейшина Пика Эликсиров лишь молча отступил на полшага назад, понизже склонил голову и предпочёл больше не испытывать терпение главы.

Пальцы Ли Цинхэ судорожно сжались.

Да, всё именно так. Он без конца твердил себе эти слова, отчаянно цепляясь за них, как утопающий за соломинку: отец прав, виноват во всём только этот человек.

Янь Фуи с самого начала был сущим проклятьем. Куда бы он ни пришёл, за ним неизменно следовали несчастья и смерть.

А значит, нет нужды терзаться сомнениями. Не нужно казнить себя упрёками совести и брать

на душу грех за гибель старшего брата.

Достаточно просто ненавидеть Янь Фуи.

Как же это, оказывается, просто.

<http://bllate.org/book/20278/2121930>